

Солженицын Игнат

14/04/03
(сир)

Рос. см. 43, газета, - 2003 - 14 (апр) - с. 5

ПОЛОВИНЧАТОЕ СЧАСТЬЕ: ИГНАТ СОЛЖЕНИЦЫН В САМАРЕ

В Самаре дает концерт Игнат Солженицын. Что знаем мы об этом музыканте? Что привело на концерт все эти штурмовавшие филармонию толпы? Хочется верить, что не только фамилия великого писателя, чьим сыном почастивилось Игнату родиться. Какие-то слухи в воздухе носились... Автору этих строк, случайно включив как-то телевизор, удалось урвать минуту-другую выступления Игната Солженицына - крошечный фрагмент среди мешанины других минутных новостей. Минута запомнилась... Хорошенького понемножку. И в этот раз, слушая Солженицына живые, получаем минут двадцать половинчатого, несовершенного счастья. Каким было бы счастье полное, совершенное? Сначала опишем несовершенное - тогда понятнее будет, чего мы, неблагодарные, жаждем. Солженицын сыграл концерт Моцарта. Сам сидел за роялем, сам же и дирижировал нашим оркестром. Сам и каденции к концерту написал - обычно эти виртуозные сольные вставки в концерт пианисты сами не сочиняют, берут уже написанные. Несколько удалось расслышать, проделав в уме непростую операцию отделения солиста от оркестра, Солженицын подошел к моцартовской музыке не просто как талантливый и вдохновенный музыкант. Подобно тому, как

книги его великого отца - не просто искусство, не повернется ведь язык назвать "Архипелаг ГУЛАГ" литературой, так и Моцарт у Игната Солженицына - не просто очередной исполнительский изыск. Предельно ответственно, серьезно и бережно подходит пианист к интерпретации Моцарта. Что за инструмент под его руками? Словно не наш современный, блистающий черным лаком, громоздкий и гулкий рояль, а крошечный нежный клавесинчик. И в этом есть историческая и человеческая правда: инструмент, на котором в восемнадцатом веке играл Моцарт, не предназначен для завоевания площадей, дворцов спорта, стадионов. Не от оратора - всему человечеству, а от сердца к сердцу - вот предназначение музыки Моцарта. Так Солженицын и играет. Ненарушимое пиано. Тихо, тихо, еще тише - к зачарованному острову пианиссимо во второй части. Оказывается, скорбь, пафос, эгегические вздохи, томление - все это совсем не требует нажима, экспрессии, все укладывается в общую концепцию, требующую целомудренного, тихого и ясного звучания. Ясная и тихая веселость странным светом освещает незамысловато-игривую музыку финала. В исторической перспективе, отодвинутая этим пианиссимо в немыслимую даль, в те времена, когда музыка не грохо-

тала, а звенела, шептала, пела, вся фортепианная партия концерта непередаваемо прекрасна. Вся фортепианная партия? Но в концерте есть ведь что-то и кроме солиста! Недаром он так и называется: концерт для фортепиано с оркестром! На пресс-конференции пианист признался: от этого оркестра он в шоке! Обидно и горько. И хочется защитить тот десяток-другой талантливейших музыкантов, которые (наряду с несколькими десятками менее талантливых) в нем работают. Ишь чего захотел! Привык там у себя, в Филадельфиях да Чикагах своих, в Нью-Йорках да Бостонах там разных, что оркестр - идеально отлаженный, хорошо настроенный, послушный дирижерской руке инструмент. Наш оркестр по руке не играет. Солиста слушает мало - гремющее форте на порядок громче настоящего моцартовского. Пианист рядом с такой плотной тяжелой массой звучания - как птичка рядом с бегемотом. Что касается строя - не строит медь, не строит, но уже по-другому, группа деревянных духовых, фальшивовато и не в одном строю с духовыми играют скрипки, низкозвонко настроены литавры. "Фальшиво, зато неритмично" - шутят музыканты. И мы, судя по всему, этим гордимся. Поэтому не придумая даже, что сказать о Второй симфонии Брукнера, исполненной в том же

концерте под управлением Игната Солженицына. Дирижерский замысел исчезал под бесконечными неполадками в звучании. Нет, до конца он, конечно, не исчез - хрустальная альпийская тишина медленной части, тревожная глыба скерцо, брукнеровская чистота души и величие духа - то есть все, что зависело от дирижера, все, что касалось интерпретации - все было представлено. Острое чувство ритма, верное ощущение темпа, располагающиеся на разной высоте, подобно альпийским лугам и вершинам, уровни громкости - все было масштабно, возвышенно, грандиозно, вполне отвечало задачам брукнеровского симфонизма. Но все же... Замечательная актриса Фаина Раневская сказала как-то, что орфографическая ошибка - как клоп на белой блузке. Такими клопами, блохами, даже, не боимся этого слова, и вшами пестрело исполнение симфонии нашим оркестром. Перечислять ли? Вроде мелочи - там фальшивый аккорд сыграли, тут громко, теперь не вместе, теперь опять фальшиво... И так чуть ли не в каждом такте! А симфония до чего красивая! Интересно, Антон Брукнер в гробу переворачивается от возмущения или, с присущей ему кротостью и незлобивостью, радуется, что ее все-таки сыграли?

Наталья Эскина (Самара)

391